

Мария
ГАЛИНА

Мария
ГАЛИНА

• НЕ ОГЛЯДЫВАЯСЬ •

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г15

Оформление *Екатерины Ферез*

Книга издается с разрешения литературного агентства
«Vanke, Goumen & Smirnova»

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Галина, Мария Семеновна.

Г15 Не оглядываясь : [сборник] / Мария Галина. – Москва :
Издательство АСТ, 2017. – 384 с. – (Звезды русского ма-
гического реализма).

ISBN 978-5-17-102326-3

Марию Галину знают и любят как ценители высокой премиальной прозы (о чем красноречиво свидетельствует приз зрительских симпатий премии «Большая книга»), так и поклонники изысканного жанра хоррор. Обаятельно-мрачные «лавкрафтианские» повести и рассказы очаровывают и убаюкивают, затягивая в причудливый мир на грани яви и страшного сна, когда до последних строк не знаешь, суждено ли герою в последний момент стряхнуть морок или вернуться в реальность ему не судьба. Да и надо ли? Главное – не оглядываться!..

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102326-3

© Галина М.С., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

О ЛЮДЯХ

Сажальный камень

Створки турникета сомкнулись прямо перед ней, словно хотели укусить.

У нее был с собой жетончик, сохранился с прошлой поездки, она нарочно заранее положила его в карман пальто, чтобы быстро. Оказывается, нет, нужен билет, картонный такой, и его надо куда-то совать.

Кто-то толкнул ее в спину. Она попятилась. Обернулась.

За этими новыми билетами стояла длиннющая очередь. Таких, как она.

Приезжих.

Гребенка эскалатора, эскалатор, чужие затылки. Кольцевая, переход на радиальную. Радиальная, конечная, поезд дальше не идет. Выход, выход, выход.

Асфальт был серый и небо серое, и ярко-желтые листья словно бы висели на этом сером, светясь сами по себе.

Встречные огибали ее, словно она была чем-то вроде рекламного щита или столба, никем. Кроссовки, сапоги, кроссовки. Сапоги. Джинсы. Кожаная куртка. Черное пальто. Твид. Черное пальто. Кожаная куртка. Они иначе повязывают шарфики, вот что. Да, наверное, в этом все дело.

Она вдохнула полные легкие сырого воздуха, а выдохнула облачко пара.

На бетонном козырьке подъезда сидела, растопырив ноги, розовая крупная кукла.

Регина в бежевой блузке и юбке-карандаше уже приплясывала у двери. Раньше у Регинки были крупные локоны, а теперь прямые, блестящие в свете коридорного светильника. Или это Регинка тогда их поддвигала?

Она хотела сказать, что так задержалась, потому что в кассу стояло очень много народу, целая толпа, все с поезда и все без жетончиков, но Регина перебила:

— Кофе на плите, йогурт в холодильнике. Сыр, колбаса, нарезка, все в холодильнике. Полотенце я чистое повесила. Хлеба там немножко есть, потом я куплю. Или сама купишь. Ключ вон висит запасной. Ты позвони потом, да? Или я позвоню.

Регина торопилась и потому говорила быстро и напористо, словно была не рада, а может и правда не рада?

Когда Регина приезжала к ней, она-то отпросилась с работы. И накупила всяких вкусностей, и потушила мясо с черносливом.

Правда, потом они поссорились. Но потом вроде помирились.

К оконному стеклу снаружи прилип мокрый лист, да так и остался, словно бы крохотный зверек, одинокий, дрожащий, дружелюбный.

На самом деле хорошо, что ее оставили одну, никто не помешает помыться, переодеться и все такое. После поезда человек весь какой-то липкий. И эти месячные еще. Почему, как важное или нужно ехать, всегда месячные?

В животе сжалось и распустилось.

Сначала помоюсь и переоденусь, а уж потом... нет, надо сразу. Сразу, пока не передумала.

Гудки, гудки, гудки.

Она вдруг осознала, что все это время не дышала, и, уже собираясь сбросить звонок, выдохнула — резко, так что ребрам и наросшей на них плоти стало просторно в тесноватом новом лифчике с пышными поролоновыми прокладками.

— Да, — сказали там, далеко-далеко, она не очень знала где. — Да?

Сажальный камень

* * *

— Куда пойдешь? — Регина подняла брови; что она с ними делает, надо будет спросить — Васич должен прийти, им с Лехой надо чего-то посчитать, думала, посидим потом, я мясо потушила с черносливом, ты же любишь. Ну, ты же помнишь Васича.

Она не помнила никакого Васича.

— Компьютерный маньяк, совершенный. Если не покормить, вообще поесть забывает. А кормить некому.

Ага.

Сам-то Васич в курсе, зачем его на самом деле позвали?

Она же не просила Регинку. А теперь получается, что все испортила, и себе и им.

Стоило ей только собраться в поездку, давно задуманную, и предвкушать, и радоваться уже одним этим предвкушениям, как тут же подворачивалась другая поездка, в сто раз интереснее, и переигрывать было поздно, и радость оборачивалась неутоленной печалью, потому что на сбывшуюся маленькую радость падала тень той, несбывшейся. Стоило наконец-то решиться и поменять постылую работу, ну, не на бог весть что, но уж получше прежней, и тут же вот оно, и лучше не бывает, только надо соглашаться быстро, очень быстро, а она только-только приступила — и что?

Выигрывает тот, кто жертвует малым ради большого, длинные броски поверх обязательств, поверх постылого чувства вины, аккуратных планов, маленьких последовательных перспектив. Еще знать бы, где большое, где малое. Чем и ради чего пренебречь? Чем пожертвовать?

Регинке везло, у нее все получалось само собой, как бы вытекало одно из другого: любящие родители — связи — институт — муж-сокурсник — квартира — ребенок — работа — связи — карьера.

Абрикосовый кухонный светильник, дощатый кухонный стол, волосы Регинки отблескивают теплым розовым, волосы Лехи — теплым бронзовым. У рыжих очень нежная кожа, подумала ни с того ни с сего, белая, чуть сероватая, как де-

ревенское молоко, и веснушки, везде, наверное, веснушки, и вот, когда он раздевается, совсем-совсем, то...

Она набрала в легкие воздух, выдохнула. Объяснила, почему не может вечером.

— Что? — брови Регинки задрались еще выше. — Ты это всерьез?

* * *

Она накрасила глаза, потом смыла. Потом опять накрасила. Веки припухли, получилось еще хуже. Ладно, сойдет. Причесалась сначала так, а потом так. Надела свитер-поло и черные брюки.

Регина сказала:

— Сними вот это и надень вот это. Это вроде понарядней.

А Леха сказал:

— А по-моему, и так хорошо, нет?

А Грызун сказал:

— Стопудово маньяк. Сначала будет хорошим-хорошим. Понимающим таким. И скажет, что одинок и давно мечтал, и что женится, и все такое. А потом зазовет к себе домой и там заставит делать всякие мерзкие штуки, а потом свяжет или прикует к батарее и начнет медленно резать, по кусочку, и сначала отрежет язык, чтобы не кричала, а потом отрежет сами знаете что. Давно вот так знакомится, и его ловят, но поймать не могут, потому что он разными именами подписывается и урлы меняет все время, хитрый. Все маньяки хитрые.

А Регина сказала:

— Господи, Грызун, что ж ты за дрянь такую смотришь? Но вообще, Адка, хм, надо быть осторожней, ты же его и правда совсем не знаешь, он может просто тебе клофелин в шампанское или что там капнуть, все деньги забрать и уйти. Чего головой мотаешь, ну, не деньги, я не знаю, приведет тебя домой, а у него подпольный притон, и он тебя не выпустит, а продаст чеченам. Или не чеченам. Или нет, заставит переписать на себя квартиру, а уже потом убьет. У него створ с участковым, целая банда там, недавно разоблачили такую. Они тела сбрасывали в канализационный люк.

Сажальный камень

— Он приличный человек, — она проталкивала слова через сжавшуюся гортань, слова получались угловатыми и царапали горло, — начитанный.

— Приличный человек, — твердо сказала Регина, — не ходит на сайт знакомств. Знаешь, какая очередь за приличными, буквально давка. Да за приличного девки друг другу глаза выцарапают. — Подумала и добавила: — И за неприличного тоже. Мужиков мало.

— Ну вот Васич же этот ваш?

— Васич аутист, — твердо сказала Регинка, — ему как бы все по фигуре. То есть на самом деле он без бабы пропадет, но думает, что по фигуре.

— Зачем мне аутист, — пробормотала она, скорее себе, чем Регинке, — я не хочу аутиста.

— Ох, ну, — они все стояли в гостиной, и Регина, и Леха, и Грызун, она только тут заметила, что Грызун в очках, вроде раньше не носил... И блестел этими своими очками, а Регинка сверкала глазами, и так они стояли какое-то время, и ей сделалось жарко, особенно внизу, она подумала, что пока не ушла, надо бы заскочить в туалет и поменять прокладку, но было неловко из-за Грызуна и Лехи.

— Ладно, — сказала наконец Регинка, — я тоже пойду. Пойду с тобой. Посмотрю на этого твоего.

— Ты что? — Колючка в горле застряла и не хотела больше уходить. — С ума сошла? Зачем?

— А если он и правда маньяк? Да ладно, я просто сяду за соседний столик, сделаю вид, что мы не знакомы.

Не надо было ей ничего рассказывать, Регинке.

— А Васич?

— Васича я перенесла на завтра, — Регинка застегивала сапог, морщась, потому что молния прихватила кожу. — Если есть выбор, это же лучше, правда? Вы на где с ним договорились? Ага. Знаю. Беспонтовое место, если честно. Значит, заходишь, потом я...

— А там дорого? Вообще?

— Нет, я ж говорю, беспонтовое. Но народу много бывает. Нужно еще столик найти. Как повезет.

— Он заказал.

— Я-то не заказывала. А как его зовут, кстати?

— Андрей, — сказала она и прикрыла глаза. — Андрей.

* * *

Она украдкой достала пудреницу, поймала в полутьме свое отражение. Ужас. Но глаза вроде уже не красные. Поправила волосы.

Я вас совсем иначе представлял, скажет он. Или нет, я вас так и представлял. Да, так лучше. Я вас так и представлял. А потом спросит, как она доехала и где остановилась, и пойдет ее провожать, а завтра она отнесет бумаги в управление, вроде это не должно занять много времени, и можно будет погулять, ну, скажем, в Сокольниках, осень — красивое время на самом деле... За неделю можно столько всего успеть, неделя праздника, и хорошо, что она сообразила подсуетиться насчет этих билетов. Нужно что-то особенное. Что-то, что бы запомнилось. Навсегда. Он, и она, и его плечо...

Стоп, сказала она себе, всегда получается не так, как воображаешь, и если навоображать себе всякого хорошего, будет хуже. Совсем молодой официант, почти мальчик, наверное, студент, принес меню, она раскрыла, полистала, но сказала, что ждет знакомого. Наверное, официанты раздражаются, когда посетители просто вот так сидят...

Регинка за соседним столиком подмигнула ей. Она под села к какой-то компании, но они вроде не возражали. Почему так получается? Непонятно. А она бы постеснялась, побоялась бы помешать. Но Регинка, кажется, им вовсе не мешает.

Ей вдруг стало страшно, и оттого живот начал подавать всякие сигналы. Чтобы отвлечься, она стала рассматривать меню, пироги какие-то, салат «Цезарь», ну, терпимо. Выпивка только дорогая. Но, наверное, на первом свидании лучше много не пить.

Он точно тайный алкоголик. Или не тайный. Они знакомятся, он чуткий и душевный, но алкоголик, и только она

может его спасти... И она вроде пытается, а потом, ну, что-то идет не так, и конец всегда плохой. Она всегда смеялась над такими фильмами.

А если кто-то это затеял, чтобы поиздеваться? Кто-то из управления, например. Кто-то, кто ее не любит. Или кто-то совершенно посторонний, потому что просто, ну, скучно. Хорошо все-таки, что с ней пошла Регинка.

— Вы позволите?

Отодвинул стул, сел, чуть поерзал, устраиваясь. А если это не тот? Просто подсел, потому что она сидит одна. Сказать — извините, занято? И этот уйдет, а тот придет и окажется, что он псих или урод на самом деле. Ну да, она видела его фотографию, но что такое в наше время фотография?

За соседним столиком Регинка смеялась какой-то шутке, отбрасывая за плечи розовые, блестящие, совершенно прямые волосы.

Нет, точно он. Как на фотографиях. Просто она не сразу узнала. Ракурс другой.

— Вы ничего не заказали?

Она помотала головой, потому что колючая человечья речь окончательно заперла ее горло.

— Позвольте я.

Он показал ей какую-то строчку в меню, она не разглядела, но на всякий случай кивнула.

— Вы Андрей, — она наконец откашлялась.

— А вы — Ада.

А если и правда сумасшедший? Не маньяк, настоящий тихий сумасшедший, с ремиссиями и обострениями, оттого живет один, сейчас у него ремиссия. А потом будет обострение.

— Вы напрасно так нервничаете, — он улыбнулся. — Я совершенно безопасен. Просто одинок.

С чего бы? Регинка права, тут полно одиноких женщин. Одиноких женщин всегда больше, чем мужчин. Нарочно искал провинциалку? Чтобы тихая и без претензий?

— Почему вы... — она запнулась.

— Пошел на сайт знакомств? — он сразу понял. — Глупо, да. А надо было таскаться по музеям? Женщины ходят в му-

зеи, потому что им кажется, что там можно встретить хорошего человека. Интеллигентного. Но я не умею знакомиться в музее. Это как-то нелепо. Стоит вот такая перед Рембрандтом вся духовная, а ты подошел и познакомишься. А тут все по-честному. Вот вы. Вот я. Для вас же не зазорно. Ходить на сайт знакомств, в смысле. То есть они для того и придуманы. Сайты знакомств.

Принесли еду. Она ковырнула свою вилкой, не почувствовав вкуса. Зря она постеснялась дома сходить в туалет. А сейчас уж и вовсе неловко.

— У меня нет предпочтений, — сказал он, — и предубеждений нет. Ну, то есть, по мне, если женщина до тридцати не вышла замуж... то она просто женщина, которая до тридцати не вышла замуж.

— А вы?

— Почему не женился? У меня медленно и тяжело умерла мама. Не мог никого позвать домой. Жена была, да. Какое-то время.

Жена, скорее всего, не выдержала, ушла, а мама умерла. Сказать, что она соболезнает? Но она ведь не знала его маму? Потом для мамы это, наверное, большое облегчение. И для него тоже.

— Нет-нет, не надо соболезнавать. Для нее это было большое облегчение. И для меня, честно говоря, тоже. Первое время я... просто спал и читал, когда приходил домой, спал и читал, и все. А потом, ну, знаете, как это бывает, стало пусто. Тихо и пусто. Конечно, я не вам одной писал. Но не вытанцовывалось, что ли. Знаете, по-моему, все-таки что-то не то с этими сайтами знакомств. Не очень пока получается. Хотя казалось бы.

Странное слово — вытанцовывалось, подумала она.

— А у них получается, — колючка ушла, и говорить слова стало чуть полегче, — blind date, кажется так это называется? Был такой фильм. Или blind date это не то...

— У нас очень развито чувство стыда, — сказал он, — я бы даже сказал, переразвито. Одиноким быть неприлично. Искать себе пару тоже неприлично. Пара должна вроде как

найтись сама. Как бы случайно. Но, конечно, на самом деле все равно все подстроено. Скажем, друзья, семейная пара, приглашают в гости. Вроде бы просто так, посидим, выпьем. А там подруга жены. Не слишком красивая подруга жены, как правило, не очень красивая, но это не важно на самом деле, важно, что почему-то не получается. Может, потому, что она все время помнит, что она не слишком красивая и что подруга жены.

— Я думаю, вы писатель, который изучает жизнь, — сказала она неожиданно. — Вы нарочно ходите на эти сайты знакомств, набираете материал для романа. Нет?

— Ах да, — сказал он, — был такой фильм. Для этого надо быть такой сволочью, какие бывают только в книгах или в кино. Знаете, почему вы? Из-за сажального камня.

— Сажального камня?

— Ну да. Вы как-то написали, сейчас, мол, только продвину свой сажальный камень... Как будто пароль. Есть такие книги, они специально написаны, чтобы свои узнавали своих.

— Сажальный камень, — повторила она, — да.

— Я когда-то «Заповедник гоблинов» чуть не до дыр зачитал. Мир, в котором хочется поселиться. Вот были же всякие утопии, «Туманность Андромеды» какая-нибудь, а жить хотелось именно в «Заповеднике гоблинов».

— Чтобы эльфы и дух Шекспира, — сказала она, — да.

— И другие миры, и неандертальцы, и инопланетяне, и университетские профессора. Я вот тоже университетский профессор, ну ладно, не профессор, и что?

За столиком рядом Регинка подвинула стул так, чтобы видеть их обоих, — для этого ей пришлось потеснить своего соседа, теперь они сидели очень рядом. Слишком рядом.

Рука Регинкиного соседа лежала на Регинкином колене.

Регинка знакомится легко. Регинка всегда знакомилась легко. А вдруг загуляет, не придет ночевать домой, и вообще уйдет, совсем уйдет, и Леха будет растерянно бродить по комнатам, и некому будет его утешить? Ах да, есть же Грызун. Но Грызун Регинке не простит никогда, и Леха не простит никогда, и они будут так мужественно жить вдвоем,